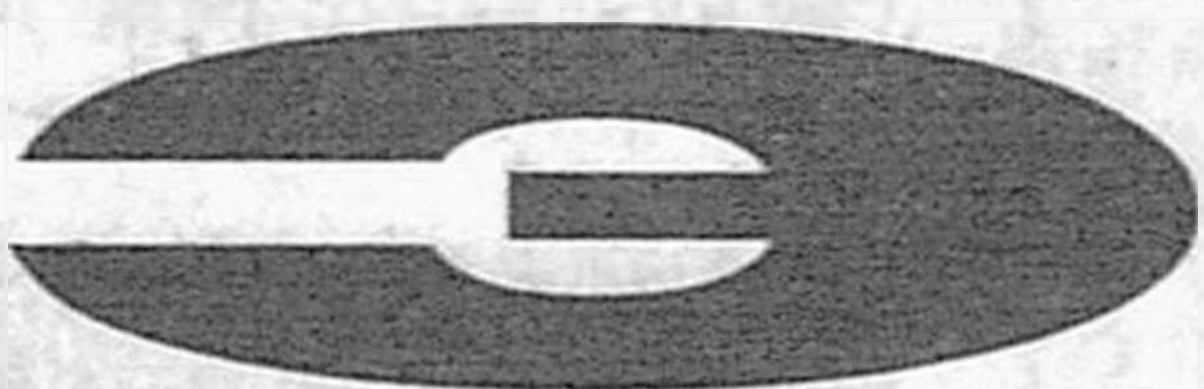

Неправильная любовь

Балет Дэвида Бинтли «Эдуард II»
в постановке Штутгартского балета

Штутгарт

Хорст Кеглер

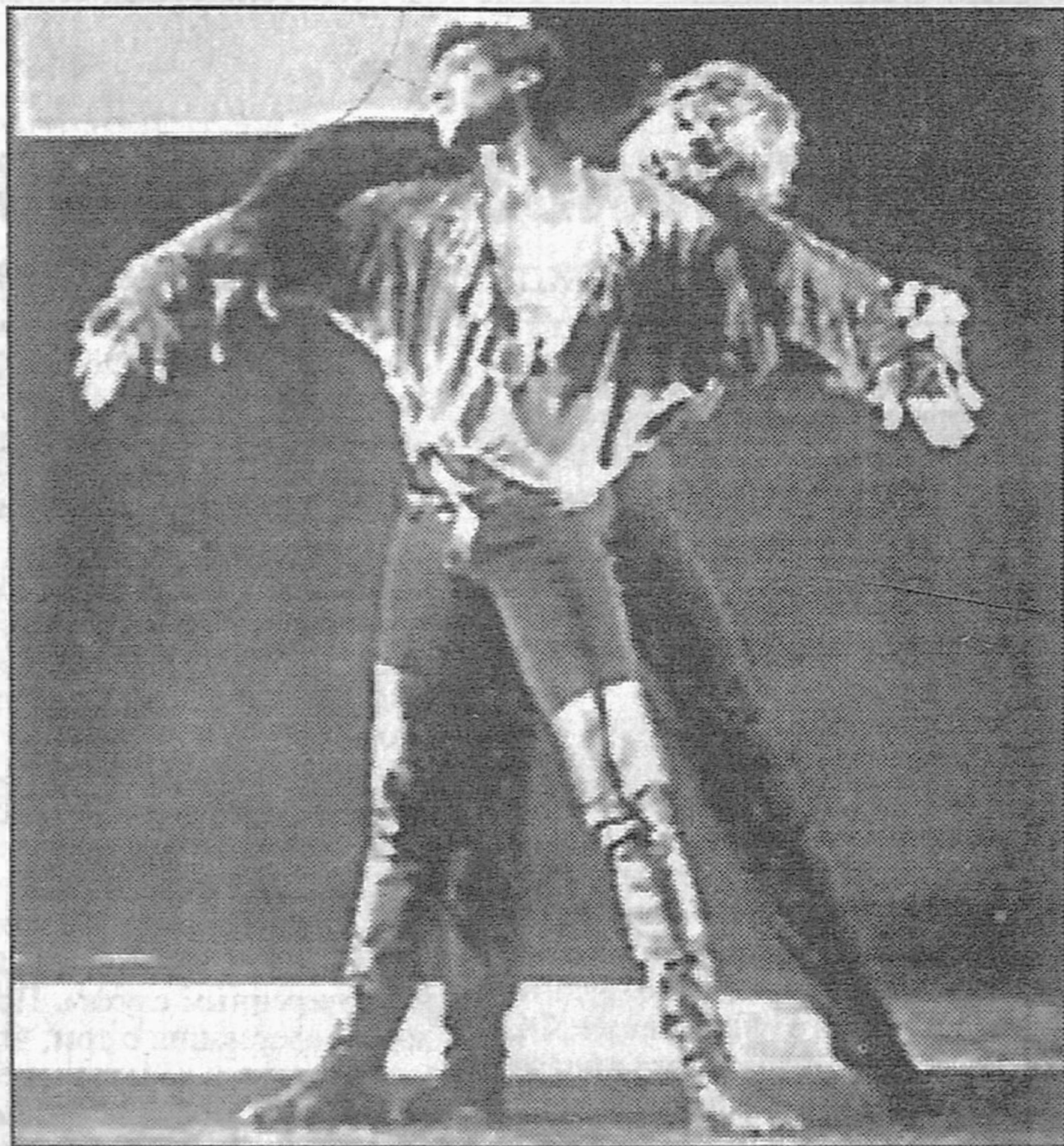
ти особи воистину принадлежат к вымирающему виду. Я имею в виду хореографов международного формата, способных сочинить полнометражный сюжетный балет. Штутгарт в этом отношении достаточно избалован Джоном Кранко. В конце этого сезона прославленная труппа раздобыла себе одного из британских продолжателей трудного дела — Дэвида Бинтли, звездного хореографа английского Королевского балета, недавно назначенного руководителем Бирмингемского Королевского балета.

Ради штутгартского дебюта Бинтли залез поглубже в сундук английской истории и приспособил к сегодняшнему дню драму современника Шекспира Кристофера Марло «Эдуард II». Музыка он заказал Джону Маккейбу, которому не лень кормиться чем угодно на широком пространстве от Элгара до (главным образом) Прокофьева. Оформление тоже было отдано на откуп англичанам: декорации — Питеру Дэвисону, костюмы — Джасперу Конрану, световой дизайн — Питеру Мамфорду. Пять британцев, поднатужившись, загрузили на большую сцену Штутгартской оперы балладу ужаса протяженностью в два с половиной часа — ballet noir самого черного цвета, какой только можно себе представить, который начинается пышными похоронами и кончается траурной процессией. А в промежутке между этими впечатляющими событиями рассказана ужасающая история того самого короля, который правил с 1307-го по 1327 год и приводил в шок современников неумной страстью

сначала к французскому фавориту Гавестону, а затем к его английскому последователю Диспенсеру, причинив тем самым немало хлопот преданной супруге Изабелле, вступившей с горя в союз с противниками короля под предводительством властолюбивого Мортимера и развязавшей гражданскую войну. В ходе этой последней король пал позорной смертью и был сменен на троне малолетним сыном, который в качестве одного из первых монарших поступков осудил на казнь Мортимера и отправил в изгнание собственную мать.

Тем, кто знает фильм Дерика Джармена на тот же сюжет, обернувшийся сюрреалистической фантаσμαгорией об английском обществе и четырехсотлетнем угнетении сексуальных меньшинств, советуем его забыть на время, отведенное для балета: ничего подобного там не найти. Бинтли чужда какая бы то ни было актуализация. Вместо раздумий об исторической перспективе — череда живых картин и масовых сцен, сольных эпизодов и pas de deux, то голубых, то «нормальных», маленьких ансамблей и огромных маршевых проходов, невинных детских игр и строгих придворных танцев (при французском дворе, месте изгнания Изабеллы), перемежающихся раздражающим кривляньем и шатаньем труппы шутов и однообразным шествием смерти в виде скелета с косой.

Все это схореографировано Бинтли в высшей степени профессионально и очень темпераментно, на солидной классической основе, оснащено виртуозными прыжками и вращениями, однако в намеренно разорванном виде, с внезапно меняющимся направлением развития. Самое сильное в смысле хореографического языка — рафинированные pas de deux, которые неизменно ставятся с учетом индивидуаль-

ности артистов и потому находят в лице последних особо рьяных интерпретаторов.

События мимодрамы разворачиваются внутри мрачной коробки, намекающей на необжитые интерьеры и лишь изредка принимающей в себя хоть какой-то свет — например, в сцене при французском дворе, которая за счет отвратительных цветов одеяний хотя бы вырывается из бесконечной черноты. Вообще костюмы намешаны в той же стилистической пестроте, что и музыка Маккейба, которая безжалостно обрушивается на публику в непробиваемой броне духовых и ударных и лишь в считанные моменты одаряет исстрадавшийся слух островком лирического вздоха.

В который раз приходится петь неумную хвалу самоотдаче и профессионализму штутгартской труппы. Главную роль великолепно исполняет Вольфганг Штольвитцер, его король-страстотерпец мечется между государственным долгом и неправильной любовью. Бенито Марчеллино, supple boy в этом беспросветном мраке, обрекает своего Гавестона на обожание публики.

Иорг Вайнэль создает своего Диспенсера большеглазым юнцом, восторженным и непринужденным. Поразительный путь развития — от несчастной жертвенной овечки до расчетливой мегеры — проходит у нас на глазах Сабрина Ленци в роли королевы Изабеллы. Зато Мортимер получился у Ричарда Крэгана однолинейным утрюмом. Даже второстепенные партии исполнены такими яркими танцовщиками, как Эгон Мадсен, Тамас Детрих и Ренди Дайамонд, из чего можно сделать вывод о том, что в Штутгарте для Бинтли не поскупились.

А вывод о том, что вместо засасывающего ballet d'action из «Эдуарда» вышла череда интересных танцевальных виньеток, следует отнести к Бинтли и к его простоватой и поверхностной драматургии. Впрочем, стоит ли бросать этот упрек англичанину, если балетная дирекция Штутгарта сама забыла о том, что такое драматургия? Но поскольку дирекция в лице Марсии Хайде театр покидает, разбираться в этом сложном вопросе придется уже тем, кто ее сменит.